

Ожидающее нахождение рядом (о философском сопровождении)

Герман Владимирович Мелихов, профессор кафедры богословия и философии, доцент КазПДС

Философия исходно предполагает стремление к мудрости. Стремящийся не обладает тем, к чему он стремится. Философия всегда оказывается напоминанием о том, что человек — это существо незавершенное, открытое в своей свободе. И одновременно она — напоминание о цели, о том, что эта цель есть и что именно в ней заключен высший смысл, мудрость. Но философия — это подступы к мудрости. Именно поэтому в религиозных сообществах, допускающих философствование, она — помощница богословия. Не служанка, а именно помощница.

Философия может дать те установки, приводящие к определенным состояниям сознания, которые позволяют вообще подойти к богословию, к Священному Писанию, которое и есть слово Божие. И в этом аспекте философия — это искание понимания, которое и есть искомая техника, искомая установка. То, что дает возможность «находиться рядом». Именно это вынуждает вспомнить слова святого апостола Павла: «Не имамы бо зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем» (Евр. 13:14). Философия взыскует смысла. Философия в этом смысле — это жажда смысла и приготовление к приближению к нему, или, как писал Новалис, за которым следовал Хайдеггер, философия — это «тяга повсюду быть дома».

Именно о таком образом понимаемой философии, о подходах к наибольшей осмысленности — статья профессора Мелихова. Она о несоизмеримости мудрости и человека, пытающегося приблизиться к ней. Она о том, что, нацеливаясь на мудрость, человек чаще всего «промахивается». Устремляясь к цели, человек забывает о том, что нужно готовить себя к встрече со смыслом. Это и подразумевается фразой «сопровождающий не сопровождает». Мудрость сопутствует тогда, когда человек изменяется сам, работает над способностью приблизиться к смыслу. И тогда смысл приближается к человеку.

Но статья профессора Мелихова не просто о том, что человек несовершенен и ему надо стремиться к совершенству. Она о том, что философия вырабатывает настроение. И сама предлагаемая статья настраивает на философию. Форма статьи — эссеистическая. В ней много метафор, которые и создают настроение философии, взыскующей смысла. Это настроение предчувствия целостности, которое устремляет к совершенству. И даже образы философов и писателей оказываются метафорами: Кант, Хайдеггер, Фуко, Пруст, Мамардашвили. Это не просто фамилии мыслителей, это метафоры, создающие философское настроение. Потому в ряду фамилий есть и литературный персонаж — герой романа Бориса Пастернака доктор Живаго. Все эти художественно-философские образы призваны показать главное, что может двигать человека к мудрости, — это стремление к состоянию зрелости, которое возможно вопреки незавершенности самого человека. И только эта зрелость, о которой, как представляется, и написана на самом деле статья, приближает человека к смыслу, к мудрости, к Богу, Который открывается именно зрелому человеку. Открывается тому, кто готов к встрече с Ним.

А. П. Соловьев, и. о. заведующего кафедрой религиоведения
Казанского федерального университета, кандидат философских наук

АРТЕМ ПАВЛОВИЧ
СОЛОВЬЕВ

ФИЛОСОФЫ
С. Н. БУЛГАКОВ
И П. А. ФЛОРЕНСКИЙ). 1917.
МИХАИЛ НЕСТЕРОВ

ИДЕЯ ФИЛОСОФСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ. Сложности обращения со смыслом

Кому сегодня нужна философия?

Немногим, имеющим склонность к философствованию, — неважно, чем они заняты «в рабочее время», программированием или богословием, теоретической физикой или филологией.

Полезна ли философия другим людям?

Вряд ли. «Другие люди», скорее всего, интересуются чем-то иным. Юриспруденцией, историей, медициной, политической теорией, экономикой — мало ли на свете наук, действительно нужных человеку!

Философия бесполезна для тех, кто равнодушен к ней, но, возможно, нужность философии очевидна для тех, кто занимается ею. Не стоит ли попробовать философствовать самим?

Философствование выражает любовь к мудрости, и на этом пути мы, похоже, больше теряем, чем приобретаем. Любящий не сводит балансы. Философствование непременно обернется убытком — бесполезная растрата энергии. Определенно, не стоит в него вкладываться. Вот и Сократ предупреждает, он-то знал, о чем говорил: мудр один Бог, наша участь — стрем-

ление к мудрости, философствование. Непонятно. Философствование — желание невозможного. Зачем? Мудрость — другое дело, это вещь весомая, ею всегда можно с умом распорядиться, обменять на что-то или приберечь для себя. Нам же вместо мудрости предлагают сомнительное стремление к ней. Вдобавок от нас требуют откровенности — признания в собственном

незнанию. Якобы то, что мы только что и с большой выгодой приобрели (вовремя полученная информация сродни хорошему вложению), вовсе и не знание. Потому спросим еще раз: что остается у нас, если мы почти все теряем?

Увы, немного. Практически ничего. Стремясь к мудрости, философствующий находит пони-

мание — всего-то. Мудрость никогда не доступна, понимание вполне достижимо. Что ж, попробуем довольствоваться малым.

Декарт не гнушался занятиями философией, будучи убежденным в том, что они помогают ему лучше разбираться в своих действиях и позволяют уверенно двигаться в этой жизни. Оказывается, мы сами, наш образ действий — проблема. Мы не всегда понимаем, что нам делать, оттого неуверенно себя чувствуем. С Декартом соглашался современный французский историк философии Пьер Адо, считавший, что философствование рождается из первичного экзистенциального предпочтения, проясняет его и побуждает жить в согласии с осмысленно сделанным выбором. Порою нам не хватает ясности относительно основ происходящего. Жизнь необходимо дополнить пониманием. Философская теория в конечном счете служит прояснению жизни философствующего.

Понимание опирается на смысл. Высказывание «мне понятна ваша мысль (ваши действия)» означает «мне ясен смысл вашего утверждения (поступка)». Философствующий ищет не пользу, а смысл. Пожалуй, среди нас найдутся и те, кто извлекает пользу из всего — пожалуйста, были бы навык и желание! Просто философствующий сначала спрашивает о смысле пользы и лишь потом, если возникнет надобность, — о пользе смысла.

Смысл — ответ на поставленный кем-то или тобой самим вопрос. Смысл открывается вопрошающему.

Вопрос о природе смысла издавна волновал философов. Где существуют смыслы? Кто является их источником? Существует ли один, приемлемый для всех смысл?

Одни философы полагают источником смыслов Бога, другие — особый мир идей, кто-

то предпочитает говорить о дискурсе, коммуникации, нейрофизиологических механизмах, виртуальных системах и пр. Сама постановка вопроса уже исходит из допущения существования смысла, в противном случае ставить было бы нечего. Вопрос выражает непонимание, в основе которого — жажда смысла. Непонимание говорит о существовании смысла не менее красноречиво, чем самая внушительная, заслуживающая доверия теория.

Философские вопросы о природе смысла указывают и на другой непреложный факт: у человека сложные отношения со смыслом. Смысл нужно искать, он отсутствует или, пребывая где-то рядом, уходит в тень, ускользает, оставаясь по какой-то причине вне поля зрения. Даже найденный смысл требует к себе особого отношения: его нужно принять и усвоить.

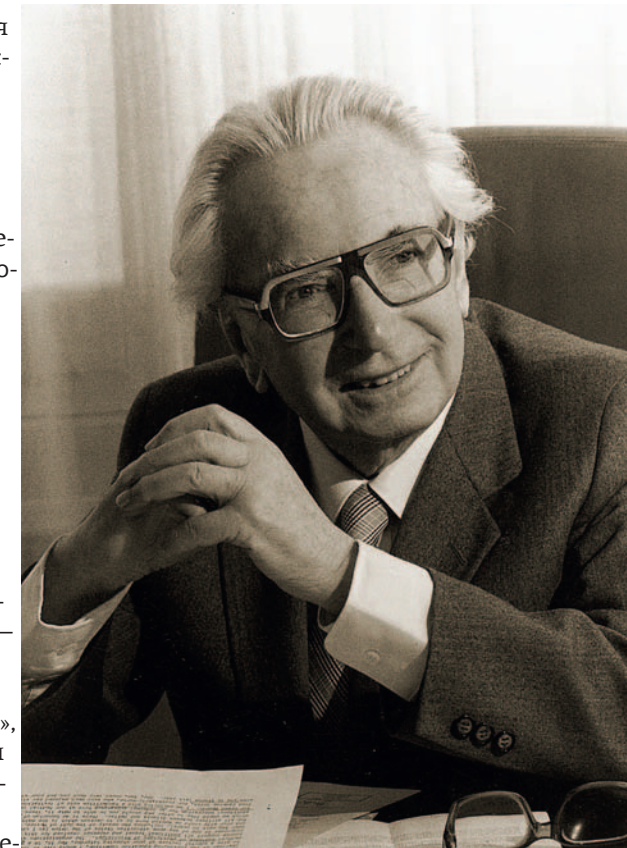
Сложности взаимоотношений человека со смыслом многообразны, но достойны внимания три взаимосвязанных случая: ситуация «отсутствия смысла» (Виктор Франкл, философ и психолог, говорил о проблемах человека, находящегося в состоянии «экзистенциального вакуума», отсутствия смысла); ситуация «незамеченного смысла или неверного расположения» (как нам удастся обойти стороной очевидное, столкнувшись с ним лицом к лицу?); ситуация «неусвоенного смысла» (смысл, обладающий свойством новизны, зачастую является вызовом для человека, он невыводим из нашего прошлого — привычных намерений и установок, поэтому нередко вызывает естественное отторжение). Философствование — прояснение смысла. Возможно, сократовское вопрошание по-прежнему уместно: кто-то считает себя философом, но является ли он таковым? мы называем себя верующими, так ли это на самом деле? мы стараемся помогать, но можно ли считать это помощью? и т. д. Фи-

лософствование начинается в ситуации «нехватки смысла», непонимания или неудовлетворенности и предполагает «занятие такого места или положения», которое позволяет принять и усвоить значимый для человека смысл. В качестве вопрошания философствование — содействие в прояснении своего положения.

Философское сопровождение (содействие) — не терапия, поскольку обращено к обычным, «здоровым», людям, испытывающим временные затруднения в понимании себя и окружения. Сопровождающий не терапевт, он — собеседник, старающийся слушать и задавать вопросы. Его цель не «излечение», но прояснение «положения человека», которое, возможно, обладает «эффектом исцеления», но этот эффект не прогнозируем и является

достоянием жизни сопровождаемого. Философское сопровождение — не консультирование, оно включает в себя элементы консультирования, но ими не исчерпывается. Сопровождающий не консультант, он не ставит перед собой задачи внесения смысла «в сопровождаемого» за один или несколько сеансов. Философское сопровождение предполагает нахождение рядом и ожидающее внимание к сопровождаемому без нацеленности на результат. Сопровождающий, как и сопровождаемый, не знает, он задает вопросы и создает своим вопрошанием атмосферу сосредоточенного внимания к собственной жизни, которое если и обладает «исцеляющими эффектами», то это эффекты (само)освобождения, чреватые явлением значимого смысла.

Основной принцип философского сопровождения — бес субъектность. Сопровождающий не сопровождает.

ВИКТОР ФРАНКЛ

НЕКОТОРЫЕ ИСХОДНЫЕ ДОПУЩЕНИЯ
Настроение, чувство целого и сопровождение

Рубен Эстлунд, шведский режиссер, обладатель «Золотой пальмовой ветви» прошлогоднего Каннского фестиваля (за фильм «Квадрат»), в одном из своих интервью говорит о том, что мы живем в обществе, где другие люди кажутся нам угрозой. Он рассказывает о 50-х годах XX века — времени детства его отца, когда родители в Стокгольме вешали детям на шею бирку с адресом, на случай если ребенок потеряется, и спокойно отправляли их, шестилетних, на улицу. Кто-нибудь, если возникнет необходимость, непременно окажет ребенку помощь. Очевидно, так поступают многие и сегодня. Но это не отменяет проблемы, о которой говорит Эстлунд: времена меняют-

ПЬЕР АДО

ГЕРМАН ВЛАДИМИРОВИЧ МЕЛИХОВ

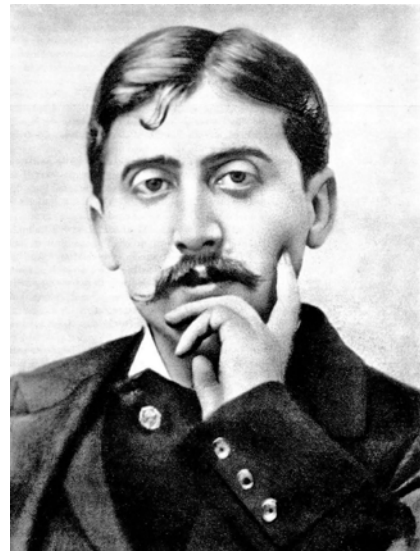
Мелихов Герман Владимирович

Родился 19.11.1964 в г. Люберцы Московской области. Образование: Казанский государственный университет, социолог

(специализация философия со 2 курса).

Основное место работы: проф. каф. социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ, проф. кафедры богословия и философии Каз-ПДС.

Научные интересы: феноменологическая философия, философская практика и философское консультирование, метафизика в ситуации постметафизического мышления.

ВАЛЕНТИН ЛУИ
ЖОРЖ ЭЖЕН
МАРСЕЛЬ ПРУСТ

ся, атмосфера взаимного недоверия и разобщенности охватывает разные народы, общества и поколения людей. С этим фактом трудно не согласиться.

«Атмосфера взаимного недоверия и разобщенности» может быть названа «настроением». Нет нужды говорить о том, что такое настроение: всем знакомы состояния радости, грусти, воодушевления, тоски и пр. Настроение выражает отношение к миру, окрашивая его в те или иные тона. Марсель Пруст писал о состоянии радости, потоке ослепительного счастья — преддверии важнейших постижений, которые позволяли ему остро ощущать присутствие в мире. Ощущение угрозы, казалось бы, напротив, сумрачно, оно отделяет и закрывает, понуждает вспоминать «о своем», «наших интересах», которыми слишком уж явно пренебрегают. Однако даже в атмосфере взаимного недоверия при желании можно разглядеть мир пока как отсутствующее, как горизонт (в феноменологическом смысле), обрамляющий нынешние заботы. Мартин Хайдеггер говорил о состоянии ужаса, невольно приоткрывающем «целое мира». Мы думаем и действуем из некоего настроения, вводящего

в мир или напоминающего о нем. «Атмосфера взаимного недоверия и разобщенности» напоминает о мире как о чем-то желанном. Мира ищут, но не находят.

Возможность увидеть целое там, где его, как кажется, нет, — часть философского отношения к миру. Мир, даже отсутствующий в отношениях людей, все равно есть — мы знаем, что такое мир. Наше желание его обрести говорит об этом. Способность думать и действовать, учитывая отсутствующее, поддаваясь философскому настроению — чувству целого, как будто ничего не меняет. Все остается как есть, кроме, пожалуй, одного — мир открывается нам как ценность.

Может ли рассуждать на философские темы человек, не захваченный философским настроением — ощущением реальности целого, знакомого Хайдеггеру, Прусту и многим другим мыслителям?

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

Философствование — не только размышляющее прояснение своего положения, но и стремление поделиться философским настроением, рождающееся из внимания к целому. Чувство целого — не идея; оно, возможно, узнается нами как собственное со-

стояние, которому мы оказываемся причастны благодаря философствованию или иным образом.

Что можно сказать о философии, находясь вне философского отношения к миру, поддерживаемого настроением — чувством целого? Философский разговор с людьми иных взглядов возможен лишь в рамках одного философского отношения к миру. Несогласие не исключает мира. Философское отношение — внимание к целому — зреет в душе человека, у кого-то быстрее, у кого-то медленнее, но вряд ли возможно «произвести» это отношение по собственной прихоти. Философствующему остается пребывать рядом. Ожидающее нахождение рядом называется «сопровождением». Сопровождающий не учит, он задает вопросы, но еще больше слушает и смотрит. Ожидающее внимание, деятельное и ненавязчивое, — смысл сопровождения.

ЗРЕЛОСТЬ КАК ПУТЬ МЫСЛИ И СОПРОВОЖДЕНИЕ Кант, Конфуций, Живаго и снова Кант

Кантовское понимание Просвещения (зрелости) предполагает сопровождение. Что такое Просвещение? Просвещен или зрел тот, кто имеет мужество думать самостоятельно. Кроме прочего, это означает: мы сами должны найти ответ и на *этот* вопрос (о Просвещении). Нам вменяется обязанность думать и всякий раз находить мужество делать это в силу возникшей надобности. Мужество думать самому — одно из главных достоинств человека. Важной частью философского отношения к миру выступает зрелость или мужество идти путем мысли. Кант ничего не требует от других, понимая неуместность подобного желания. Он говорит, находясь рядом, ожидая возможного отклика, не обязательно скорого.

Кант продолжает сопровождать нас.

ИММАНУИЛ КАНТ

Философское настроение поддерживается зрелостью. Чувство целого невесомо и трудноуловимо. Как обойтись с тем, чего как будто и нет? Есть вещи, с которыми никак обойтись нельзя. Что бы ты ни сделал, все равно промахнешься. Чувство целого — то, что предполагает наш собственный «промах» как конститутивный элемент отношения к себе. Возможно, целое открывается прошедшему мимо себя. Зрелость требуется для того, чтобы не заметить самого главного — себя.

Зрелость — не настроение. В настроении выражается отношение к миру, но последнее нельзя свести к первому. Зрелость — не одно чувство, но комплекс переживаний, мыслей и пр., связанных отношением к миру, в котором преобладают умеренность, дистанцированность и внимание к смыслу, замешанные на способности прицелиться и «промахнуться» — нельзя попасть в то, частью чего является «стреляющий». Верный способ попасть в целое — дистанцироваться от себя.

Говорят, Конфуцию принадлежит мысль, с которой трудно

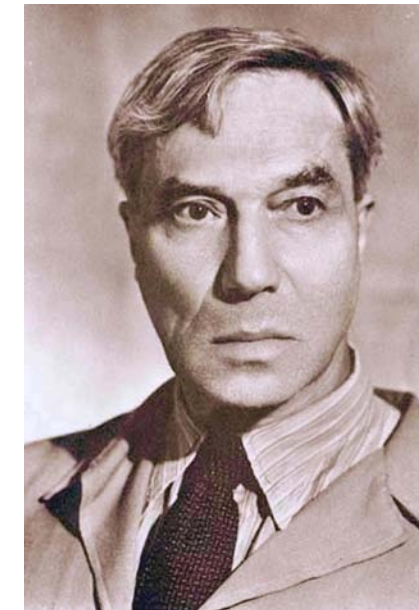
не согласиться: благородный человек живет в согласии со всеми, но не следует за ними. Согласие не исключает дистанции, а несогласие не обязательно предполагает конфронтацию. Существует «средний путь», пролегающий между конформизмом и конфликтом. Можно ладить со многими, но идти своим путем. Это очевидно. Подобный образ мыслей основан на отношении к миру, который уместно назвать «умеренностью». Умеренность отсылает к «общему» — тому, что имеет значение для всех и ни для кого (что ценно само по себе). Умеренность — способность сохранить баланс, равновесие «своего» и «чужого», что предполагает выход за пределы и того и другого. «Общее» в философском понимании не общий признак, тотальность, подминающая под себя все, но нечто более тонкое — чувство равновесия, ощущение баланса и связи, которые столь же реальны, как и наши или чужие интересы.

Как сохранить равновесие в атмосфере взаимного недоверия? Трудно сказать. Возможно, стоит попробовать поискать у своей мысли основание — чувство равновесия. В равновесии гораздо больше целого, чем частей. Может быть, тогда наше мышление окажется «конструктивным» и не навредит слишком большому числу людей. Имеет ли мышление какую-то ценность вне чувства целого? В общем, да. И его можно не принимать в расчет, успешно решая множество задач. Но ведь нас интересует философское отношение к миру. Именно это отношение было свойственно доктору Живаго — поэту и мыслителю, главному герою одноименного романа Бориса Пастернака.

В России шла Гражданская война. Вокруг разруха, тысячи, миллионы людей — одни ради идеи светлого будущего, другие ради идеи сокровенного прошлого — сталкиваются, убива-

ют, вразумляют и перековывают друг друга, насильно, беспощадно. Живаго одинаково далек как от прошлого — он понимает, его уже не вернуть, так и от будущего — оно зримо присутствует в настоящем, и облик его не привлекает доктора. Живаго, не принадлежа никому, повиновался одному чувству целого. Доктор прошел через многие лишения, он был в плену, голодал, серьезно болел, воевал. Как удалось ему, несмотря на все это, сохранить свой взгляд свежим? Как удавалось ему воспринимать мир, падший в братоубийственной бойне, еще и восхитительно чудесным?

Трудно и здесь сказать что-либо. Скорее всего, Конфуций и доктор Живаго, доверяя уравновешивающему чувству целого, могли дистанцироваться. Философское отношение к миру заключает в себе дистанцирование.

БОРИС ПАСТЕРНАК

Отвечая на вопрос: «Что такое Просвещение?», Кант вводит представление о публичном разуме, трактуемом обычно — так это делает Мишель Фуко, — в терминах политического мышления. Не отрицая правомерность такого подхода, име-

ет смысл взглянуть на проблему с точки зрения отдельного человека, для которого политика не занимает место исходного в его философствовании. «Публичный разум», скорее всего, отсылает и к чувству целого, наверняка знакомого Канту. Разумный человек в своих мыслях и действиях имеет в виду Другого. Он учится уважать других людей. Им движет внимание к Другому. Не должна ли публичная политика сначала стать «вниманием к Другому» и только потом — «вопросом о власти»? Не должно ли мышление вначале быть «вниманием к Другому» и лишь затем — «вниманием к мыслимому предмету»? Такой подход к делу был свойственен французскому философу Э. Левинасу, поставившему этику на место «первой философии», метафизики. Но еще раньше мысли Левинаса была мысль Канта, для которой неназываемое чувство целого — источник равновесия и умеренности — предшествовало и этике, и эстетике, и философской логике. Внимание к Другому предполагает дистанцирование — взгляд на себя и происходящее глазами другого человека. Интерес к другому человеку проявляется в нашей способности встать на его место, оставив на время «самого себя». «Гражданин мира» — тот, кому удалось дистанцироваться от себя, допустив реальное существование Другого. «Гражданин мира» доверяет чувству целого, которое проявляет себя в искреннем и живом внимании к другому человеку — надо ли здесь что-то доказывать? Этическое отношение основано на дистанцировании, хотя и не сводится к нему.

В равной мере дистанцирование определяет и эстетическое суждение. В «Критике способности суждения» Кант определяет вкус («Первый момент суждения вкуса») как способность судить о предмете на основе чувства удовольствия или неудовольствия, свободного от всякого интереса. Кант, как и доктор Живаго, доверяет «чувству целого» с его дистанцирующими эффектами. Мы судим о прекрасном, пребывая в особом расположении

ЭММАНУЭЛЬ ЛЕВИНАС

духа, будучи индифферентными по отношению к себе — всем своим интересам: как интересам чувств, так и интересам разума. Наблюдение форм вещей, когда мы отвлекаемся от собственной заинтересованности, называется «созерцанием». Эстетическое созерцание предполагает дистанцию, обрамленную чувством. Дистанцируясь от своих интересов, мы невольно вовлекаемся в пространство смыслов. Мераб Мамардашвили, замечательный российско-грузинский мыслитель, говорил об эстетике мышления, имея в виду радость, которую доставляет незаинтересованное, бескорыстное созерцание смыслов. И, конечно, это радость от восприятия вещей в свете об-

щей, всепроникающей связи, баланса и меры самых разных «частей» — чувство, знакомое доктору Живаго и Прусту.

Живое внимание к другому человеку — это и внимание к смыслу. Прежде отношений с реальным человеком мы встречаемся с мыслью о его значимости. Сопровождающий на пути мысли ожидает явление смысла. Зрелость или путь мысли отмечен одной особенностью. Человек, пребывающий на пути

мысли, оказывается незаинтересованным созерцателем или независимым наблюдателем. Независимым от кого? От себя. Бескорыстное мышление — источник радости. Философствование — возможность поделить радостным настроением, возникшим благодаря встрече со значимым для тебя смыслом.

Мысль о значимости другого — не знание, требуемое для заучивания или успешной сдачи экзамена. С этой мыслью еще нужно встре-

титься и не только как с «существом дела», но и как со своей судьбой. Судьба человека — жить в мире.

Сопровождение — часть философского отношения к миру, если сопровождающему удается хотя бы на время стать созерцателем или наблюдателем. Созерцателем, по всей видимости, был Сократ, но это не мешало ему осуществлять *деятельность* сопровождения, смысл которой — майевтика, желание разделить радость от встречи с мыслью. Замечательным созерцателем предстает и Кант в его «Критике способности суждения».

Другой примечательной особенностью кантовского понимания пути мысли или зрелости вы-

ступает то, что может быть названо «допущением соразмерности». Зрелый человек исходит из предположения, что мир, с которым он имеет дело, сложен, он не укладывается в наши представления о нем, но тем не менее он все же соизмерим с его усилием. Взрослый человек всегда имеет возможность найти соразмерное себе место. Он будет делать то, к чему способен на данный момент, принимая решения, делаящие его поступки уместными.

Современная мысль полагается на иное допущение: жизнь чрезмерно усложнилась, вести речь об отдельном человеке и соразмерных ему вещах не имеет смысла. Человек — часть разных систем, функционирующих синхронно: практик и курсов, бессознательных процессов, нейрофизиологических механизмов, виртуальной реальности и пр., которые неподвластны усилиям не только одного, но и многих людей. Так ведь Кант и не отрицал этого. Он говорил, по всей видимости, другое: как бы сложен ни был мир, для каждого из нас в нем есть *свое* место. И это позиция зрелого человека. Восприятие другого как угрозы, скорее всего, реакция на утраченное чувство соразмерности миру. Поиск большего контроля вряд ли указывает на выход из сложившейся ситуации. Пытаясь обуздать сложности, усиливая контроль, мы не решаем исходную проблему — мир все еще не является для нас ценностью. Мир — это одно, а наши интересы — совсем другое. Нельзя найти себе место там, где тебя еще нет.

В кантовской идее трансцендентализма содержится и другое допущение. Человек и мир переплетены изначально. Нет мира, который бы существовал сам

по себе, отдельно от человека. Мир явлен для нас в формах, заданных разумом. Эту идею можно понять и так: разумный человек встроен в мир. Мир как место взросления — это пространство нашего мышления в том смысле, что мы *в принципе* всегда можем найти соразмерное нашим возможностям место. Но это не означает, что мир солипсически замыкается на нас. В мире есть «вещи в себе». И есть разум, открывающий пространство

РЕНЕ ДЕКАРТ

свободы, создающий дистанции. Идея соразмерности мира усилию одного разумного человека, нашедшая свое выражение у Канта в идее трансцендентализма, является основанием кантовской же идеи зрелого человека, или человека пути мысли. Зрелый человек пребывает в мире. Отказываясь от кантовского трансцендентализма, не лишаем ли мы себя почвы — знакомого и Декарту, и многим другим ощущения равновесной связи, баланса, целостности отдельного человека и мира, открытого зрелой душе?

Может ли философствовать человек, не ощущающий реальности целого? На самом деле ответ на этот вопрос не имеет значения. Не все могут и должны заниматься философией. В равной мере это касается математики, филологии или богословия. Путь мысли не всегда пересекается и с философией. Зрелость и занятия философией (впрочем, как и любым другим предметом) неважимообратимы. В свою очередь, философствование не укладывается в границы академической мысли. Возможно философствование вне философии. Доктор Живаго — поэт и врач — пример тому. Но всякое подлинное философствование, даже оставаясь в рамках общепринятых форм, невольно раздвигает их. Философствование выходит за пределы философии, когда больше обращает внимания на мир и сами вещи, чем на идеи и концепции. Философствование, довольствующееся малым — вниманием к миру, оказывается практикой сопровождения.

Философствование — проясняющее понимание своего положения в мире. Почему говорится: «ожидающее нахождение рядом»? Целое, какие бы формы оно ни принимало, недостижимо. Смысл ожидания — вхождение в настроение, всякий раз новое обращение внимания на целое без какого-либо расчета на результат. В целое нельзя попасть. Целое — не цель, поэтому «промах» в сопровождающем философствовании имеет большее значение, чем «попадание». «Промахнувшийся» оказывается ближе к целому, чем «попавший» в него.

Сопровождающий не сопровождает, он понимает: смысл сопровождения состоит в отказе от сопровождения, ибо сопровождает не он, а его. ❀